

ПЬЕСЫ Горького на афише театра — это не просто очередные интересные или менее интересные спектакли. Пьесы Горького в репертуаре театра — это новый идейный, философский, художественный уровень театрального коллектива, это особая социальная зрелость сцены, которая рассказывает горьковскими образами и о человеческих душах, и о классовой борьбе, и о движении истории, и о психологии человека, и о психологии масс.

Драматургия Горького все активнее обнаруживает свою воспитательную роль, свое наставническое назначение. Если раньше Театр Горького обращался, как правило, к взрослой аудитории, ведя свой сложный, остропсихологический разговор с людьми сложившимися, определившими свой лагерь, свою веру, свои идеалы, то сегодня Театр Горького приходит и к подрастающему поколению, ведя столь же сложный, вовсе не адаптированный разговор с молодежью, чей характер только становится, чьи взгляды только формируются. И это раскрывает в горьковской драматургии доселе не столь очевидно ощутимую энергию страстного учительства, энергию формирования молодого характера. Стоит вспомнить, как много в горьковской драматургии юных, молодых людей, как по существу молоды

наши детские театры, причем взяв одни из самых трудных, самых социально насыщенных пьес, далеких от привычного уровня юношеского мышления. В Центральном детском театре режиссер В. Кузьмин поставил «Врагов», постановку «Последних» в Московском театре юного зрителя осуществил режиссер Ю. Жигульский. Горький на сцене детских театров! Само по себе событие примечательное, достойное серьезного осмысления. Быть может, и найдутся какие-либо учителя, критики, воспитатели — ревнители чистоты детского образования, дистиллированности детской мысли, бесконфликтности детского мира. Быть может, они и скажут на каких-либо совещаниях, обсуждениях, что обжигающая горьковская правда, что ершистая горьковская речь, непримиримые горьковские конфликты, горьковская филосо-

горьковская правда доступна всем возрастам, потому что в ней заложено истинное социальное здоровье, светлая народность, глубокая вера в торжество революционной нравственности.

«Последние» в Московском театре юного зрителя — спектакль сильный, мужественный, одновременно и взрослый, и юношеский, что чрезвычайно трудно сделать, но что, несомненно, сделано и режиссером, и коллективом. Этот спектакль воспитывает в нашей молодежи не только чувства, давно ей привитые, известные — ненависть к буржуазии, любовь к своей родине, к чистым и светлым ее душам, борющимся за наше сегодня. Горьковский спектакль МТЮЗа воспитывает и чувства более сложные, не лежащие на поверхности пьесы. Речь идет о нравственном воспитании подрастающего поколе-

ГОРЬКИЙ театр

ПРОДОЛЖАЕТСЯ

«Последние». Федосья — Л. КНЯЗЕВА, Иван Коломийцев — В. ГОРЕЛОВ.

Фото Ю. ЗЕНКОВА

Петр и Верочка в «Последних»; Нил, Татьяна и Петр в «Мещанах», много молодежи в «Варварах», истинно революционным духом проникнуты образы юношества во «Врагах». Словом, Театр Горького столь же решительно обращен к молодежи, сколь и к взрослым, столь же решительно строит характеры, сколь и объясняет натуры уже сложившиеся.

В минувшем театральном сезоне к Горькому обратились

фия чужды детям, непонятны подросткам. Да, действительно, нужно заботиться о нравственном мире детей в том смысле, чтобы каждый возраст получал доступную ему меру знания жизни, чтобы каждый возраст был своим возрастом, не обращаясь преждевременно к миру более сложному. Но когда речь идет о Горьком, подобные ревнители чистоты детского образования, думается мне, неправы. Обжигающая

нравственной попытке. И это интересно, поучительно. Юношеству важны не только законченные характеры, важно понять, что в каждом законченном характере еще могут бродить живые силы, что даже самого страшного подлца может мучить раскаяние.

Молодые Вера и Петр живо и интересно сыграны Т. Канаевой и С. Варахиным, как люди, которых театр, жалея, отличает. Газ прикоснувшись к грязи, раз не устояв перед силой денег, перед погубительной водкой, и они, молодые, нравственно падают. Пусть они еще цепляются за жизнь, пусть они еще верят в свое спасение, пусть ненавидят растленных старших, они тоже обречены. И это поучительно.

Среди других актеров хотелось бы еще упомянуть, как всегда, прекрасную, глубоко чувствующую Л. Князеву, сыгравшую няньку Федосью так, что мы слышим в ней нечто от пушкинской Арины Родионовны, не дождавшейся выращенной ею красоты, труды ее завяли, погубили на корню. Горе старой няньки, видящей крах своих усилий, — это тоже особая красота для детского театра, надо помнить и о них, этих тихих старухах, чьи сердца мы разбиваем, если не вырастаем нравственно красивыми.

А вот еще один новый — «взрослый» Горький: «Варвары» в Московском драматическом театре на Малой Бронной, поставленные режиссером А. Дунаевым. «Варвары» — одна из самых прекрасных социально четких пьес Горького, где представлена, словно энциклопедия нравов, жизнь уходя-

«Варвары». Доктор Макаров — А. ПЕСЕЛЕВ, Надежда Монахова — А. АНТОНЕНКО.

Фото И. АЛЕКСАНДРОВА

щего общества, чреватого революцией.

Театр прочел «Варваров» глазами сегодняшними. Варвары — это не какие-то дикие, ни на кого не похожие люди, варвары — такие же, как все, ничем не отличающиеся от других обывателей уездного города, более того, совсем будничные, никого не удивляющие. И эта сниженность варварства до будничности, до обыденности усугубляет нравственную силу пьесы. Варварство читается здесь не только явлением социальным, но и категорией нравственной.

Именно в таком обличительном ключе играют актеры А. Грачев — Черкуна, С. Соколовский — Цыганова, Л. Круглый — Монахова. Черкун и Цыганов как-то совсем даже и не видны на фоне провинциального города, в них нет ничего привлекательного — ни казенных мундиров, ни смелой хватки, ни яркого темперамента, ни даже сосредоточенной деловитости. Зато они притягивают к себе обывателей открытым душевным развратом, открытым пьянством, всем тем, что эти столичные господа делают без стеснения и чего еще пока немногие стесняются робкие провинциалы.

Среди актерских удач мы назовем и отличное исполнение А. Антоненко роли Надежды Монаховой. Образ этот знает немало превосходных актерских решений, стоит вспомнить вошедшую в историю советского театрального искусства работу Е. Гоголевой в Малом театре, интереснейшую трактовку Т. Дорониной в ленинградском товстеновском спектакле. Но А. Антоненко нашла свое понимание Монаховой. Ее Надежда Монахова не сильное, тупое животное, раскопное своей звериной наивностью, не интересная роковая женщина, поднимающаяся над другими своей загадочностью. Монахова — Антоненко — такая же, как все, она тоже «варвар», варвар по отношению к необычной своей красоте, к интересным душевным загадкам. Ничего не захотела развить в себе эта женщина, кроме острой тяги к внешне привлекательной пошлости. Монахова губит все и всех вокруг себя, ее красота смертельна, ее красота так же варварски трагична, как и деловитость Черкуна. Антоненко сыграла свою Монахову не где-то на отшибе от главной линии горьковской пьесы, но в ряду Черкуна и Цыганова, в ряду общей идейной устремленности горьковской драмы.

Итак, Горький продолжается. Живая жизнь горьковской традиции — залог подлинной идейной и художественной зрелости советской сцены.

Вл. ПИМЕНОВ